

БРУТ, МАЗЕПА, ВАЛЛЕНРОД:
О СПЕЦИФИКЕ УКРАИНСКОЙ ТЕМАТИКИ
В ТВОРЧЕСТВЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА

ГЕНРИХ КИРШБАУМ

В начале XIX в. в русской литературе происходит своего рода поэтическое освоение (или покорение, изобретение) Украины. При этом Украина конструируется и как *иное, другое* России, и как своего рода *близкое, родное* или даже *исконное* России. Тематизации Украины как «лучшей» метонимии России попадают при этом в топику самоэкзотизации, обслуживающую, с одной стороны, нарождающиеся дискурсы народности, а с другой — актуальные имперские темы. При этом парадоксальная полисемия Украины усиливается за счет того, что украинские казаки как исторические жертвы империи выполняют роль форпоста российской колониальной политики: Украина оказывается местом и участником борьбы России как с Востоком (или Югом: Крымское ханство), так и противоборства с Западом (Польша).

В свою очередь, в литературе эта поэтическая «русификация» Украины¹ происходит по модели изобретения Ирландии и (или) Шотландии в английской литературе (Оссиан). Такой поэтической колонией, Шотландией России, оказывается Украина, на которую, однако, претендует и польская литература того же времени. Польская и русская поэтические культуры по-своему осмысливают сложный исторический и внешне- и внутреннеполитический статус Польши (в размерах до и после разделов). К тому же они ускоренно адаптируют различные течения европейской литературы, которые во многом идут вразрез с импортированным требованием создать собственную

¹ Своей кульминации данная концепция Украины достигнет в конечной версии гоголевского «Тараса Бульбы».

национальную литературу. Украинский сюжет становится частью нового национального сюжета, предполагающего дистанцирование от национальных сюжетов стран-соседей. Одной из важнейших вех в поэтическом освоении Украины в русской поэзии начала XIX в. оказываются «украинские» тексты К. Ф. Рылеева. В нашей заметке нам бы хотелось показать некоторые особенности украинского сюжета в творчестве поэта-декабриста вообще и мазепинского комплекса в частности.

Большую часть рылеевских «Дум» составляют тексты с украинской исторической темой, подразумевающей (анти)польский компонент². Украина конструируется как идиллическое пространство, а также, уже по американской модели, — своего рода дикий Юг или Запад. Украина и украинские казаки становятся носителями идей вольности и символами непокорности и бунта (ср. образ Украины в «Думах» или в поэме «Наливайко»). Украинская и связанная с ней антипольская тема — и в этом особенность украинского сюжета в творчестве Рылева — становятся эзоповым языком преддекабристской лирики. Парадоксальным образом имперская, великорусская тема, включающая антипольские сюжеты, трансформируется в риторическое пространство заговора и протеста против самодержавия.

Так, как и в случае «русских Брутов» Глинского и Курбского — героев дум Рылеева, — бунт Хмельницкого в одноименной думе направлен против деспотизма [Рылеев 1975: 73]. Произвол тирана приводит героев рылеевских дум к желанию отмщения. Характерны при этом рылеевские смещения подтекстов думы о Хмельницком. Так, по мнению В. Маслова [Маслов: 221–223], текст Рылеева представляет собой местами дословный перевод польской «Украинской песни о Богдане Хмельницком, переложенной на польский стих» (*Piosenka ukraińska o Bohdanie Chmielnickiem, przelożona na wiersz polski*, 1820) Леона Рогальского (Leon Rogalski), перевод кото-

² О польском компоненте в творчестве Рылеева вообще и в контексте дискуссии о происхождении жанра дум нам уже приходилось писать: [Киршбаум].

рой год спустя был сделан О. М. Сомовым (см.: [Galster: 96]). Возникает характерная для жизни украинских сюжетов в русской и польской литературах интертекстуальная ситуация: украинская дума перелагается на польский язык, в свою очередь, польский вариант прочитывается и переводится в России, при этом антипольская компонента дополнительно обнажается. Эта особенность, иллюстрирующая плотность русско-польско-украинской интертекстуальности в интересующую нас эпоху, показывает, как работает «испорченный телефон» русско-польских литературных связей в 1820-е гг.

Рылеев в своей обработке думы о Хмельницком усиливает брутовскую, тираноборческую линию. Мотив измены тирану становится лейтмотивом: Хмельницкий «отмстит убийства и хищенья», «отмщенье ждет», «за мной, чью грудь волнует мечь», «ангел мщенья» (ср. [Рылеев 1975: 74, 76]). Частично заимствованная из польских источников мотивация мести и возмездия, усиленная Рылеевым, появляется и в других «украинских» текстах поэта. Так, герой поэмы «Наливайко» дает клятву отомстить полякам, в тексте поэмы доминирует мотив справедливого отмщения. При этом Наливайко мстит уже за весь свой народ, мотив (и мотивация) личной обиды отступает на второй план [Рылеев 1971: 228–229]. Пафос тираноборческого возмездия, выраженный на языке эзоповой агитационной поэзии, поэтически программирует и интенсифицирует радикализм той непримиримой политической программы, которая в конце концов будет стоять Рылееву жизни.

Во фрагменте незаконченной поэмы «Гайдамак» мотивообразующей также является тема мести [Там же: 238–242]: герой поэмы яро мстит крымцам и полякам. Беспощадность мести гайдамака предвосхищает жажду мести гоголевского Бульбы после казни Остапа. Тема гайдамаков отчасти переходит и в поэму «Войнаровский», в которой гайдамаки контрастно рифмуются с поляками («поляков» – «гайдамаков» [Там же: 199]).

Важнейшим сюжетным полем в связи с темой предательства оказывается история мазепиной «измены» Петру. История Мазепы приобретает актуальность в русской литературе после выхода в 1818 г. одноименной поэмы Байрона. Для нас важен

сам факт ре-адаптации «своего» сюжета из чужой литературы, т.е. двойной самоэкзотизации, но существенно и то, что автором парадигмообразующей поэмы был именно Байрон: момент байронизма и сопровождающего его «байроноборчества» является для Рылеева и других поэтов второй половины 1820-х гг. чрезвычайно важным.

Сама поэма Байрона уже содержит «автодеконструктивный» потенциал. По мнению Бабинского [Babinski: 21], английский поэт смешивает в образе Мазепы два типа своих героев: «старомодных» Конрада, Манфреда и Гарольда — с новым, ироническим, воплощенным в Дон Жуане. Если учитывать хронологию создания байроновских поэм, то нам представляется более точным говорить о Мазепе не как о гибридном, а как о переходном герое. Возникновение этой переходной позиции от романтического типа Гарольда к «самоиронизирующему» типу, как нам представляется, имело некоторые последствия для дальнейшей судьбы образа гетмана в литературе. Фигура Мазепы стала основой для позднеромантической «деконструкции» героя.

Многие поэтические решения Байрона в «Мазепе» связаны именно с этой деконструкцией романтической топики. Так, свою романтическую историю Мазепа рассказывает на привале во время бегства гетмана и Карла XII после Полтавской битвы. Историческое и романтическое вступают в конфликт. Романтической самоиронией Байрон возвращает читателя в рамочную конструкцию: пока Мазепа рассказывал свою историю, шведский король заснул [Вугон: 178]. Отдельного исследования заслуживает вопрос, как столь любимые романтиками рамочные конструкции становятся мета- и паратекстуальным орудием автодеконструкции³.

У Байрона Мазепа рассказывает о том, как его в молодости в наказание привязали к хвосту скачущего по степи коня [Babinski: 33], рассказ об этой скачке занимает больше места,

³ Обращает на себя внимание сходная деконструирующая функция рамочной истории в «Герое нашего времени» Лермонтова, этого позднего ученика и адепта Байрона.

нежели описание самого Мазепы. В позднеромантических текстах происходит маргинализация героя, дискредитирующая одну из главных черт поэтики романтизма — помещение героя в центр изображаемого мира.

При трансплантации мазепинского сюжета на русскую литературную почву он попал в «родной» поэтический и политико-исторический контекст. Образ Мазепы, в котором можно было сочетать черты революционера-бунтовщика и изменника-заговорщика, интересовал Рылеева уже в период создания «Дум» (1822–1823). Мотивировке измены посвящен фрагмент-набросок Рылеева:

Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился <...> ни [дружество], ни уважение <...> оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средством дозволенным на пути к оной [Рылеев 1934: 416].

Рылеев не замалчивает аморальной решимости и радикализма Мазепы, но и ничего не говорит о его целях. В других «мазепинских» набросках гетман характеризуется как «человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага родине» [Там же: 413].

Петровско-мазепинский сюжет ложится также в основу последней думы Рылеева — «Петр Великий в Острогжске»⁴, в которой описывается встреча Мазепы и Петра в 1696 г. Вот как выглядит описание этой встречи в преамбуле П. Строева, авторизованной Рылеевым: «В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обладал, изъявил особое благоволение и с честью отпустил в Украйну» [Рылеев 1971: 162]. Рылеева интересует, как гетман вкрадывается в доверие Петра [Там же].

Кульминацией мазепинских штудий Рылеева бесспорно является поэма «Войнаровский», в которой сосланный в Якутск

⁴ См. хронологию возникновения дум у Цейтлина: [Цейтлин: 573–574, 845].

племянник и соратник Мазепы Войнаровский рассказывает свою версию полтавской истории. Сибирь выступает при этом не просто как «фон» или рамочная конструкция. Количественно сибирская часть в поэме доминирует [Jekutsch: 349]. В поэме происходит противопоставление двух типов казаков — украинских, которых Рылеев подает как носителей революционного духа, и сибирских, «одомашненных», интегрированных в государственные структуры империи и тем самым обслуживающих самодержавие. «Прирученный» «сибирский строевой казак» [Рылеев 1971: 193] контрастирует с украинским казаком, повстанцем и тираноборцем. Сибирь в поэме изображается как место изгнания, в котором жертвы внутренней колонизации становятся адептами своих гонителей.

По мере эволюции творчества Рылеева образ Мазепы в его произведениях все больше усложняется; поэт пытается оправдывать его «измену»⁵. Если в думе «Петр Великий в Острогжске» Рылеев показал, когда и как в душе интригана начинает зреть коварный замысел, то в «Войнаровском» цели и смысл деятельности Мазепы остаются открытыми для дальнейших интерпретаций:

Не знаю я, хотел ли он
 Спасти от бед народ Украйны
 Иль в ней себе воздвигнуть трон.
 Мне гетман не открыл сей тайны [Там же: 209].

Рылеев начинает толковать и оправдывать Мазепу как политика, действовавшего в интересах вольнолюбивой Украины.

⁵ Поскольку и русские, и украинские историки, от Прокоповича до Бантыш-Каменского, как, впрочем, и украинская народная поэзия негативно отзываются о Мазепе, причины симпатий Рылеева к Мазепе Василий Маслов [Маслов: 302–303] видит в знакомстве Рылеева с позитивной оценкой гетмана в польских националистических кругах и даже не исключает знакомства поэта с лириком Тимко (Фомой) Падурой, автором думы о Мазепе. Падура, имевший связи с декабристами и впоследствии принявший участие в восстании 1830–1831 гг., был, кстати, переводчиком «Конрада Валленрода» на украинский язык.

Такова, по крайней мере, точка зрения Войнаровского, который в поэме изображен позитивно. Характерно, однако, что поэма прямо не называет противников Мазепы — Россию и Петра [Jekutsch: 343]⁶: мотивировка измены и бунта подчинена центральной для Рылеева антисамодержавной тематике. Тираноборческие мотивы усиливаются за счет упоминания Брута [Рылеев 1971: 217]. Украинцы выступают как отечественные носители республиканских идей.

Рылеевский пафос мести достигает кульминации в сцене, когда Мазепа открывается Войнаровскому и спрашивает своего соратника и племянника, чем бы он пожертвовал для свободы родины. Вот ответ Войнаровского:

Готов все жертвы я принести, —
Воскликнул я, — стране родимой;
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь [Там же: 204].

Отвечая Войнаровскому, Мазепа радикализирует этот жертвенно-мученический патриотический пафос еще больше:

Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мезтью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью [Там же].

Особенную остроту и драматизм получает признание Мазепы на фоне параллелизма «Войнаровского» с вышеупомянутой думой «Богдан Хмельницкий». Ее герой обращается к казакам:

Друзья! — он к храбрым восклицает, —
За мной, чью грудь волнует мезть.

⁶ Ср. также: [O'Meara: 186–188].

Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь! [Рылеев 1975: 76]

В «Богдане Хмельницком» защита чести еще является мерой и оправданием мести (см. рифмовку). В «Войнаровском» же Мазепа жертвует личной честью во имя народного блага. Внимание Рылеева обращено к мотиву готовности к самопожертвованию — движущей силе политического радикализма. В деле борьбы за свободу для Мазепы хороши все средства:

Так, Войнаровский, испытаю
Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я [Рылеев 1971: 208].

Переосмысление образа Мазепы было замечено современниками. Так, П. А. Катенин признавался: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катонном. Диво и то, что цензура пропустила...» [Маслов: 319; Рылеев 1934: 616].

Воспетая Рылеевым готовность Мазепы пожертвовать честью станет основным пафосом «валленродизма» [Gomolicki: 65], идеология которого изложена — на эзоповом языке польского романтического макиавеллизма — в поэме Мицкевича «Конрад Валленрод». В этом произведении Мицкевич в духе трагического демонизма воспел измену как единственное оружие раба. Заглавный герой «Валленрода», будучи литовцем, становится рыцарем тевтонского ордена. Притворяясь его ревностным служителем, Валленрод доходит до поста магистра и сознательно приводит орден к поражению⁷. «Конрад Валленрод»

⁷ Мазепинский сюжет был Мицкевичу не чужд. Он был известен ему как из сочинений Байрона и Рылеева, так и из польской литературы — например, из стихотворения «Думка Мазепы» (“Dumka Mazepy”) Богдана Залеского. По возвращении из крымского путешествия в Москву Мицкевич писал в письме своему другу А. Одынцу в марте 1826 г. (т.е. непосредственно перед началом работы над «Конрадом Валленродом»): “Czytałem niedawno dumkę Zaleskiego *Mazepa*. Śliczna, wyborna. Te dwie dumki: o Kosińskim i Mazepie, sprawiły mnie największą poetycką przyjemność, ja-

был написан, судя по всему, с учетом поэмы Рылеева «Войнаровский» и судьбы самого Рылеева [Gomolicki: 65]. Мицкевич начинает работу над «Валленродом» во второй половине 1826 г., т.е. после получения известия о казни декабристов⁸. Если учесть это хронологическое совпадение и возможную смысловую перекличку, еще большую весомость получает предположение, что в имени Конрад содержится аллюзия к имени Кондратия Рылеева⁹. В связи с этим вновь [Blüth] напрашивается вопрос, не был ли скорее Рылеев, нежели Пушкин прототипом русского поэта, с которым разговаривает о самодержавии его польский друг в стихотворении “Pomnik Pietra Wielkiego” («Памятник Петра Великого»).

В заключение хотелось бы отметить, что особую остроту приобретает в данном контексте и пушкинская разработка «казацко-украинской» и мазепинской тематики, если вспомнить, что «Полтава» является полемическим откликом Пушкина как на

kiej dawno w czytaniu wierszy polskich nie doznałem. Co za nadzieje na przyszłość! Zaleski bez wątpienia potrafi napisać romans historyczny godny Waltera Skotta” [Mickiewicz: XIV, 289] [«Читал недавно думку Залеского “Мазепа”. Прелестна, превосходна. Эти две думки — о Косинском и о Мазепе — доставили мне величайшее поэтическое наслаждение, какого я давно не испытывал, читая польские стихи. Какие надежды на будущее! Залеский, без сомнений должен написать исторический роман, достойный Вальтера Скотта»] [Мицкевич: 361].

⁸ Напомним, что с упоминания о казни Рылеева Мицкевич начинает свою ностальгическую инвективу “Do pszyjaciół moskali” («Друзьям-москалям»), направленную против русских писателей, (бывших) друзей поэта (и в их числе — Пушкина), занявших, по его мнению, соглашательскую позицию по отношению к Николаю I. Как нам представляется, именно получение известия о казни Рылеева форсировало риторический рывок Мицкевича от «Крымских сонетов» к «Конраду Валленроду».

⁹ См. характерную ошибку в названии статьи К. М. Куева [Kujew] “Wie Adam Mickiewicz und Konrad Rylejew miteinander bekannt wurden” («Как познакомились Адам Мицкевич и Конрад Рылеев»). Ср. также [Lednicki 1956: 88 (прим. 1)].

«Войнаровского», так и на поэму Мицкевича «Конрад Валленрод»¹⁰. Версию о полемичности «Полтавы» по отношению к «Конраду Валленроду» выдвинули почти одновременно М. Аронсон [Аронсон] и В. Ледницкий [Lednicki: 247]. Против гипотезы М. Аронсона высказалась Я. Л. Левкович, аргументируя тем, что «аскетический образ Конрада, его умение отказаться от личных целей и стремлений, пожертвовать личным во имя общего, национального никак не соотносится со старым сластолюбцем гетманом» [Левкович: 152–153]. Левкович косвенно возражает Н. В. Измайлов: «Идеологически Мазепа был отрицательным ответом на проблему, поставленную и разрешенную положительно в поэме Мицкевича, — проблему ренегатства как возможной политической тактики» [Измайлов: 116]. Д. П. Ивинский полагает, что «тот факт, что пушкинский Мазепа не похож на героя поэмы Мицкевича, не означает еще» отсутствия полемики между «Полтавой» и «Конрадом Валленродом»:

В этих произведениях сопоставлены не герои, а сюжеты. Мазепа и Конрад совершают один и тот же поступок, и полемичность «Полтавы» по отношению к «Конраду Валленроду» подчеркнута тем обстоятельством, что если у Мицкевича путь предательства как способ борьбы с врагами отечества избирает человек благородный и самоотверженный, то у Пушкина на это оказывается способным лишь честолюбец и ренегат, действующий к тому же из соображений личной мести [Ивинский: 189–190]¹¹.

Постановка вопроса об этосе власти и сопротивления ей прослеживается у Пушкина со времен «Бориса Годунова». Все герои драмы, от царя Бориса и самозванца до Курбского, боярина Пушкина и «народа», оказываются вовлечены в интере-

¹⁰ Напомним, что Пушкин намеревался перевести драму Мицкевича целиком, но в конце концов перевел лишь ее зачин («Сто лет минуло, как тевтон...»).

¹¹ Д. П. Ивинский предлагает рассматривать пушкинские отклонения от оригинала при переводе зачина поэмы Мицкевича именно на фоне полемики «Полтавы» с «Конрадом Валленродом» — ср. [Ивинский: 190–193].

сующую Пушкина этико-историософскую проблематику бремени и соблазна власти, измены и права на бунт. Проблема русской смуты ассоциативно связывается с темой внешнего — польского — завоевания. Для нас важно, что сам вопрос о государственной измене оказывается связан с проблематикой русско-польских связей. В «Годунове» характерна не только фигура самозванца, заручающегося поддержкой Литвы, но и «изменников»-эмигрантов, присоединяющихся к нему в Кракове. Среди этих политических эмигрантов сын Курбского — «Брута» Ивана Грозного: он становится на сторону Отрепьева, участвует в войне и погибает в походе на Москву. Для нас важно и то, что как «Полтава» перекликается с «Войнаровским», так и в «Борисе Годунове» проблема Курбского разрабатывается на фоне рылеевского текста — думы «Курбский».

В «Полтаве», по-своему развивающей проблематику «Бориса Годунова», Пушкин как бы нивелирует политический мотив предательства Мазепы — причиной предательства становится личная обида [Гузаиров]. Политическая тематика и этическая проблематика бунта, чести и измены будут продолжены Пушкиным в «Капитанской дочке», где безусловно отрицательному, хотя и трагическому образу украинского Брута-Валленрода — Мазепы из «Полтавы» — противопоставляется загадочный, амбивалентный Пугачев¹². При переносе мазепинской проблематики во внутренне-русский исторический контекст сюжет, первоначально зародившийся и развивавшийся в рамках русско-польского интертекстуального освоения (присвоения) Украины, украинская компонента хотя и ступшевывается, но продолжает действовать на сюжетно-

¹² «Наследником» Мазепы (и Валленрода) оказывается не самозванец Пугачев, а Швабрин, движимый корыстью. Он, как и Мазепа — перебежчик из одной социальной группы в другую. Как и в случае Мазепы, смена лагеря сопровождается подлостью и клеветой. При этом перебежчика Швабрина наказывает справедливый Пугачев. Ср. также страшную участь другого перебежчика — Юлая; выражение мести мятежников, тема расправы и самосуда: в своих произведениях Пушкин карает изменников любого рода.

идеологическом уровне, развивая противоречивые и мультифункциональные коннотации и перипетии украинской темы в русской литературе 1820-х гг. вообще и поэзии Рылеева, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аронсон: *Аронсон М.* «Конрад Валленрод» и «Полтава»: К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х – 30-х годов // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 43–56.
- Гузаиров: *Гузаиров Т.* «Клок бороды»: исторические события и художественный образ в «Истории Пугачевского бунта» // *Соп атоге. Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой / Сост. Р. Г. Лейбов и др.* М., 2010. С. 137–146.
- Ивинский: *Ивинский Д.* Пушкин и Мицкевич. М., 2003.
- Измайлов: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // *Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина.* Л., 1975.
- Киршбаум: *Киршбаум Г. Э.* Дискуссия о происхождении дум: польская компонента // *Тыняновский сборник. Материалы пятнадцатых Тыняновских чтений / Под ред. Е. А. Тоддеса и М. О. Чудаковой.* М., 2011 (в печати).
- Левкович: *Левкович Я. Л.* Переводы Пушкина из Мицкевича // *Пушкин: исследования и материалы.* Л., 1974. С. 151–166.
- Маслов: *Маслов В. И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912.
- Мицкевич: *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5.
- Рылеев 1934: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. / Сост. и ред. А. Цейтлина. М.; Л., 1934.
- Рылеев 1971: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений / Под ред. А. В. Архиповой, В. Г. Базанова и А. Е. Ходорова. Л., 1971.
- Рылеев 1975: *Рылеев К. Ф.* Думы. М., 1975.
- Цейтлин: *Цейтлин А. Г.* Творчество Рылеева. М., 1955.
- Babinski: *Babinski H.* The Mazeppa Legend in European Romanticism. N.Y., 1974.
- Blüth: *Blüth R.* Mickiewicz i Rylejew pod pomnikiem Piotra Wielkiego // *Rocznik koła polonistów, słuchców uniwersytetu Warszawskiego.* Warszawa, 1927. S. 43–59.
- Byron: *Byron G. G.* The Works. In 14 Vol. Vol. XI. London, 1834.

- Galster: *Galster B.* Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987.
- Gomolicki: *Gomolicki L.* Wojnarowski – Wallenrod – Połtawa // *Twórczość*. 1949. № 6. S. 63–83.
- Jekutsch: *Jekutsch U.* Ryleevs Vojnarovskij und Puškins Poltava // *Gattungen in den slavischen Literaturen. Festschrift für A. Rammelmeyer / Hrsg. von H.-B. Harder, H. Rothe.* Köln; Wien, 1988. S. 337–360.
- Kujew: *Kujew K. M.* Wie Adam Mickiewicz und Konrad Rylejew miteinander bekannt wurden // *Zeitschrift für Slawistik*. 1956. Bd. 1. H. 1. S. 69–72.
- Lednicki: *Lednicki W.* Mój puszkinowski Table-talk (Dla puszkinistów) // *Puszkin 1837–1937. T. I.* Kraków, 1939. S. 227–455.
- Lednicki 1956: *Lednicki W.* Mickiewicz's Stay in Russia and his Friendship with Pushkin // *Mickiewicz in World literature / Ed. by W. Lednicki.* Berkeley et al., 1956. P. 13–104.
- Mickiewicz: *Mickiewicz A.* Dzieła. Warszawa, 1955.
- O'Meara: *O'Meara P.* K. F. Ryleev. A Political Biography of the Decembrist Poet. Princeton, 1984.